

Сергей Дворецкий

ПЯТЬДЕСЯТ

Стихотворения

Авторская версия

Издательство «Старт»

Рязань – 2010

ББК 84 (2Рос=Рус)

Д 32

Дворецкий С.А. Пятьдесят: стихотворения. – Рязань:
Издательство «Старт», 2010. – 64 с.

*«Всё взято в трубы, перекрыты краны, –
Ночами только воют и скулят,
Что надо, надо сыпать соль на раны:
Чтоб лучше помнить – пусть они болят»*

В.С. Высоцкий

ISBN 978-5-92405-20-8

© Дворецкий С.А., 2010

© Издательство «Старт», 2010

© Агеев В.И., фото на обложке, 2010

Слово к читателю

Радостно встретить старого приятеля – вот мы и встретились – здравствуй! Знаю это наверное, ибо держишь ты в руках эту книжицу, а значит – не чужие мы люди!

Эта книжка имеет название «Пятьдесят», потому как собрано под её обложкой пятьдесят стихотворений, в предыдущих книжках моих не появлявшихся. А ещё она выйдет к юбилею моему, что, согласишься, тоже немаловажно. Отсюда – «Пятьдесят».

Эта книжка завершает собой очередной этап моего творчества, он был интересен мне, надеюсь, интересен и тебе или уж по меньшей мере – спорен, что и есть одна из целей моего труда (да, думаю, не только моего).

Блажен читатель, ищущий в любой поэзии «нового Есенина», – мир ему, поклон земной!

Блажен читатель, не принимающий в поэзии ничего кроме Есенина, – мир ему, добро в дорогу!

Уважая и любя всякую поэзию (лишь бы она была настоящей!), дарю тебе своё творчество с одной просьбой: это мой труд, м о ё лицо – не забудь, друг!

Итак, с Богом!..

Автор

* * *

В льняной, застиранной сорочке,
В покосе – как по-над рекой –
Я б написал такие строчки,
Что подарили мне покой.

И то, иное поколение
Их прочитает и споёт
Так, чтоб моё стихотворение
Как будто стало не моё.

Так, будто звонкая та песня
Была всегда – из года в год –
Как будто автор неизвестен,
Как будто автор – весь народ!

И тот, что жил и жив поныне,
И тот, что только будет жить,
И даже тот, что – на чужбине,
Но сердцем не успел остыть!

Да все!!!
С душою нараспашку
Из всех времён сюда придут
И, расплескав по чарам бражку,
Со мной в покосе запоют,
Ах, право, Божие творение!..

...А ныне в поле – вот оно –
Я напишу стихотворение
Всего одно... всего одно...

* * *

Весь мир таков – везде свои изъяны:
Нет лжи без правды, нет шипов без роз.
Там кто-то род ведёт от обезьяны,
Пусть так, а я от света и берёз.

Нет ничего у нас, но есть надежда:
По грудь в грязи, ни крова, ни кола –
Отхлещет в русской бане, как и прежде,
Берёза плоть и душу добела.

О, нить времён – непрочен луч и тонок,
А уповать на вечность – не с руки:
Я по прямой – берёзовый потомок,
Мной топят печи, но плетут венки.

И твёрдо знаю – не почить мне в бозе,
Юдоль моя по времени пуста:
Меня повесят на одной берёзе,
А я воскресну – будто бы с креста...

Нет в Рай дороги – со «святыми» в ссоре,
Бывало всяко: буен был и пьян,
Но в знак родства мы проросли в Мещёре,
Где звери есть, но нету обезьян!

Где совесть вековая и бунтарство,
Где сердце неразгаданной Руси!..
Хранишь ты нас, берёзовое царство –
Проматеринство русское еси...

* * *

Я понимаю: сводит рот зевота
От часто повторяющихся тем.
И стыдно быть похожим на кого-то,
Уж лучше быть, наверное, никем.

Уж лучше как бездомная собака:
Сегодня шерсть свалялась, завтра брат
Любому пьянице у грязного барака, –
Чем слушать блуд сравнений и цитат.

Какая, право, брошена конфета –
Вот только не спешу её поймать:
«Гляди, гляди-ка – как похож на Фета!»
Спасибо... и валите... в душу мать!

Я – бомж, из поэтического сброда –
Копаю, засучивши рукава.
Мои стихи, без племени и рода,
Кого-то греют, как в печи дрова...

П Е Г А С

На самом краю земли,
Где небу с землёю тесно,
Где в пояс стоят ковыли
С негромкой бескрайней песней,
Где камень сечёт огонь
О косу хмельного Роса –
Пасётся треножный конь,
На сторону глядя косо.

Там гладью струится высь,
Но только лишь сумрак гуще –
Откуда вдруг ни возьмись
Со звонкой трубой – Поющий.
И прямо к коню, трубя,
И путы ножом срезает,
И, гриву коню теребя,
Уводит, и в дымке тает!..

На этого же коня
Я тоже имею виды,
Но не было у меня
Ни зависти, ни обиды.
Я только с ноги сапог
Стянул, чтоб портянку сладить,
Подошвами сбитых ног
Ковёр ковылей погладить.

И приняло поле, пленяя,
Взяло, взволновало полётом,
И сделалось для меня
Ковром, брат, и самолётом!

Подняло над сонмом дней,
Шептало ветрами игриво,
И целое море коней
Играло зелёной гривой!

Да хватит ли свет-очей?
Вон избы и росы белы...
Взнуздать бы вас половчей,
Успеть бы – такое дело!
Эх, кони, куда влечёт?
Хватил я, брат, с вами горя:
Коней-то – наперечёт,
А поле, оно как воля!

Как песня, где умереть
Не легче, чем вновь родиться,
Не чуя свою повесть,
Кружу, как чужая птица –
Из самой глухой дали,
Всевольно или поместно? –
На самом краю земли,
Где небу с землёю тесно...

ПОЛУНОЧНЫЙ ЭТЮД

Владимиру Хомякову

Настежь окно, как дверца
в мир!

 Глаз коли – не до сна!
Не голова, не сердце,
Чувствую – стонет спина!

 Об косяки украдкою
Трусь – и зудит, и жжёт,
Чешется под лопатками –
 Что-то растёт, растёт!

Браво! Здоровье пьём!
Браво!

 Почти летаем!..
Но не в Раю живём –
Скоро обман растает.
Скоро покровы падут,
Будет туман струиться...

 То ли крыла растут,
 То ли забыл помыться?..

П Е С Н Я

Над косогором вьюга выла,
Угасла ранняя зоря –
Сидела мать и саван шила,
Молила Бога – чтобы зря!

Колола пальцы, пот струился,
В дверях маячил сельский поп.
Молила, чтоб не пригодился,
Хотя бы «третий выжил чтоб».

Хотя бы он!.. пурга уснула,
Остановило небо счёт
И будто нехотя вздохнуло
И проворчало: «Пусть живёт...»

И ожил он, и над Окой
Свирель запела – «божья дудка»,
И отозвались травы чутко,
И птицы, музыке такой!

А он – России сын и ровня –
Стал, чтобы песню пронести,
Пошёл – от низенькой часовни
По всей округе, по Руси!

Но время скверное припело –
Там что-то в чёрных сюртуках
Сплелось в клубок и «шило дело»,
И саван, чтоб наверняка.

И в час, когда свирель устала,
Остановило время счёт...
А небо? Небо, видно, спало,
Когда Серёжу били в лёт!

Под барабанный бой стихий
В тот серый саван обрядили,
И потихоньку уводили,
И крали песню и стихи!

И долго-долго, зная не зря,
Над косогором вьюга выла,
Невдалеке часовня стыла
И гасла ранняя зоря...

*в день
св. Троицы*

* * *

Мы все уйдём, да только
не одной тропею,
надеждой тщась продолжить
этот монолог.

И т а м я попрошу
желанного покою,
пытаясь оправдаться
десятком старых строк.

С прищуром глянет Т о т,
дымя большой сигарой –
понятно, это он –
заведующий дном.

«Там, где котлы дымят,
возьмите в кочегары
и в дворники возьмите –
я буду «два в одном»!

Не надо по плечу
меня стучать, толкаясь,
я в Рай и не пытаюсь –
покоя я хочу!»

Я с пеною у рта
дошёл до крайней точки:
как взгляд его насмешлив,
как кривится рот:
«Я думать разучусь,
не напишу ни строчки
и пятки подкую,
как твой служилый сброд!»

Но, пальцем ткнув, дыхнув
мне в рожу перегаром,
с наскоку – за грудки –
он перешёл на крик:
«Эк вон куда хватил –
возьмите кочегаром!?!
И дворников тут тьма,
ну, в общем, – невпротык!

Вот жизнь твоя, держи,
а будешь нужен – взыщем,
не десять строчек – тыщи –
покоя заслужи!»

Что ж делать? Надо жить,
я носом землю рою,
я молочу руду –
запасы фраз малы!
И этой молотьбой
я заслужу покоя,
и, может быть, возьмут
меня топить котлы...

...Как жжёт реальность тел,
какие страсти будит!
Но кто меня осудит:
покоя я хотел...

«КРЕЩЕНИЕ»

В пору поста Великого,
Близ резного крыльца,
Солнце играло бликами
На топоре отца.

Липка зеленолистная,
Яркий весенний свет –
Плачет бревно смолистое,
Тёсаное «в лафет».

Долбит топорик бровочку,
Щурит глаза отец,
Сматывая верёвочку,
Треплет вихры: «Молодец!

Тёска – что зайцы грызли!»
Шутит: «Мотай на ус!»
И намотал бы – не выросли,
А сам собой – упруть!

Сосенки трёхсаженные –
Взмокнешь, пока «пройдёшь»...
И словно дня завершение –
Хлебного кваса ковш!..

Было...
Времён смещение –
Век наш и солон и груб...
Плотницкое крещение –
Первый сосновый сруб!..

Ребята!

Дай то Бог, чтоб кушали
Вы эти яблоки в Раю!
Спасибо вам за то, что слушали
Рифмованную чушь мою!

Спасибо сквозь десятилетия,
Забуть такое – не дано...
Теперь вот,
на исходе лета, я
Иду деревней Клетино.

И дом и сад...
С небес ли брошено,
Чтоб слышал только я один?
«Возьмите яблоко, хорошее!» –
Мне говорит поэта сын!

И, как когда-то,
малым зябликом,
Беру одно, всего одно... –
Из Тумы докатилось яблоко
До деревеньки Клетино.

* * *

Евгению Артамонову

Спотыкаясь о колени прясел,
Дул июль в рассветную трубу,
Мокрыми крапивами украсив
Старую горбылью городьбу.
И присел, и глянул исподлобья –
Это кто там – тропкою крутой?

Я бреду овражьем неудобьем
По колени мокрый и шальной.

Я сродни по духу новгородцам,
А рождением – коренной «тумак».
«Журавель» потерянным колодцем,
Как в купель, «кунал» меня в кабак.
Но похмелья утреннего скотство
По преданью свет-росой давлю –

И, чтоб снять тоску и сумасбродство,
Нахожу дорогу к «журавлю».

Так буди же, вековая просинь,
Твой покуда изумруд-лужок!
Там, глядишь, и золотая осень
У тебя востребует должок.
Не с того ль она щедра на диво?
Что просить у Бога и судьбы?..

...Обжигаясь мокрою крапивой,
Посижу у старой городьбы...

* * *

А.П. Хлуденёву

Кто-то в тайну закатов проник,
А кому-то по сердцу рассветы –
Только в жизни, короткой, как миг,
Ничего идеального нету.

Я люблю эту неба лазурь,
Но, колени берёз обнимая,
Принимаю скандалы и дурь
И любовь, как завет, принимаю.

Принимаю овинную грусть –
Перелатанную «на живую» –
Принимаю лохматую Русь,
Непричесанную, но живую!

Посредине лесов тропок вязь –
Та нелёгкая, та кривая, –
Кто-то видит в том прах и грязь,
Я им радуюсь, принимаю!

Не трудитесь: знамение Творца
Даже в том, что не пахнет духами –
Пусть эстеты – пустые сердца –
Поперхнуться моими стихами!

Меж лопаток им постучу
И ещё напишу – давитесь!
А когда совсем замолчу
В поле выйдите – удивитесь!..

Кто к источнику ликом приник,
Кто-то в кружке хмельной ждёт ответу,
Потому, в жизни краткой, как миг,
Ничего идеального нету...

* * *

Бубенцом затихает вдали
Мерный цокот орловских троек...
Задохнулась Россия в пыли
Революций и перестроек.

Русь романовская, лепота!
Дух твой попран, и гимн твой ссучен,
Благолепие Храма Христа
Разлилося бассейном вонючим.
В пояс кланяйся да не ропщи –
Закавказскому полууроуду!
Поимела тебя, не взыщи,
Рать без племени да без роду!

Порождением сатаны
Взросший в чреве гнилых учений,
Вылез Хам и отнял штаны
У георгиевских поколений.
И, проливши родную кровь,
Затерялся хитро и скоро –
А потом возродился вновь
В чёрной копоти Белого Дома.

Где ж ты, Боженька, где, родной,
Мы такие от зла или лени? –
Пред заморскою пред шпаной
Дружно бухнулись на колени!
Перед сборищем подлецов,
Штатов, соединённых *златом*!
Где ж ты, скифская гордость отцов,
«Куполов *золотых* заплаты»?

Я надрывно кричу сто лет –
То Есениным, то Рубцовым,
Я уже уходил на тот свет
И с него возвращался снова.
И шепнули там: «Не тужи,
Как бы ни был ваш хлебушек горек –
Отряхнётесь от пыли и лжи
Революций и перестроек...»

* * *

Сдуем пылинки,
да что с нами станется?
Время брюзжать –
не пришло.
Тучи рассеются –
небо останется,
небу вдвойне
тяжело.

Сколько оно перевидело,
вынесло,
сколько палили
в него!
Сколько нас, им убаюканных,
выросло –
битых,
а так – ничего!

Помните:
шёл, не успевший состариться?
Помыслов тропка
чиста:
«Тучи рассеются –
небо останется», –
думал
под ношей креста.

Загрохотало!
И лило, как осенью,
словно прощанье –
гора!

Небо разверзлось
и лестницу бросило –
мол, поднимайся,
пора...

Помните?..
Всякий когда-то преставится,
но и сквозь суетность
лет –
тучи рассеются –
небо останется!
Вот и надежда
и свет...

* * *

Белле Ахмадулиной

Весьма возможно, что в годах иных,
Когда наш век изучен будет, понят,
Меня и вспомнить-то никто не вспомнит
И не распнёт на косяках дверных,
Как распинают старую холстину,
Чтоб сохраняла в комнате тепло...

И отойдёт, что раньше грело, жгло,
И цветь кувшинок обернётся в тину.

Мой век крестов рассыплется в гнильё!
Дымы Отечества развеются ветрами,
Как жизнь лихая, что прожили с вами –
И всё же я в ответе за неё!
И всё же я... а как ещё, иначе?
Пусть ухмыльнутся: что, мол, с них спросить?!

Вы не спешите прах наш выносить
За скобки... биографии тем паче.

Сей чернозём – суть наши устремления,
На вызов времени утеранный ответ!
Истории, на самом деле, нет –
Есть биографии ушедших поколений,
Что вопрошали судьбами: «Куда?»
И знали – спросится, пусть даже и не вспомнят,

Когда наш век изучен будет, понят:
«За всё! За дождь! За после! За тогда!»...

Г О Н К И

На переправе коней менять –
Это ли не насмешка?
Век наш ревуший, бегам под стать:
Первенство, гонки, спешка!

А в этой гонке – тяни свой воз,
И суперболид – не ровня,
Я минимум – в чёрном дыму паровоз,
Я максимум – лошадь в дровни!

Я нынче из тех, кто проиграл
И победил? в сражении,
Я душу себе в пути надорвал
Тем, что «вхожу в положение»!

Тот захромал – отдаю сапог –
Что же, он отстаёт?!
Сейчас обуется и со всех ног –
И вскоре меня обойдёт!

Я в недоуменье, а мне: «В строю
Для всех условия отличные!
Давай!» – говорят, и я выдаю,
И мне выдают... по личику!

Стой! Не падать – а то не встать!
Гонг – словно свист бичей...
На переправе коней менять
Здесь в порядке вещей!

* * *

Не про нас полуночный час –
Нам ли нынче гулять под луной?
Наша плоть оставляет нас
С каждой прожитою весной.
Бороздами морщинит дождь –
Снег порошится сединой...
Старый сад на погост похож,
Мы бесплотные под луной.

Из нечаянной радости вышли,
Где так ярко огонь горел...
Поцелуй Ваш, увы, перезрел,
Как вот эти бордовые вишни,
На которых прощанья печать
И отчаянья грусть – отпустите!..
Но хватает дыханья сказать
В унисон, очень тихо – «простите...»

* * *

Я знаю – в гонке быстротечной
Лишь тот, кто любит, – видит свет,
Но не клянись в Любви вечной,
Ты просто помаши мне вслед.

Боясь признаний пылких, пышных,
Вслед помаши мне из окна –
Был смелым пред самим Всевышним
Один лишь только сатана.

Ничто, что в серых буднях платье, –
Один лишь взгляд через плечо...
Мы нашей робостью оплатим
Тот счёт, что спросится ещё.

Что проворонили беспечно,
Что шло бегущею строкой!..
О, не клянись в Любви вечной –
Махни рукой, махни рукой!..

ЖЕНЩИНА И ВОЙНА

Молча сидишь у окна –
Прядью седой дорога...
Женщина и война
Несовместимы у Бога!

Нам ли того не знать?
Только в дыму и гари
Вон ополчилась рать
Противобожьих тварей!

И собралась она,
Зная, что будет туго, –
Женщина и война
Встали друг против друга.

И покатила мгла,
И пронеслась лавина!
Билась ты как могла,
Помня, что половина
Цельной, родной земли –
Женщина: мать, жена!
Где-то в глухой дали
Мужняя рать легла...

Видишь ли из окна
След их, в пыли дорог?
Женщина и война...
Оборони нас, Бог!

* * *

Елене Борискиной

Ещё немного, и помянут нас
Дороги лентами, обочины – травую...
«Пока-пока», у нас тяжёлый час –
Пора туда, где что-то, да живое.

Пора туда! Там не пойти ко дну –
Недолгий путь и, в общем-то, недалёкий –
Там где-то волк бьёт павшую сосну –
Очеловеченный и паранормальный.

Десяток строк – нечаянный улов,
А сколько лет неверья, крови сколько?
И с виду неприметный рыболов
С рыбёшкой мелкой говорит на зорьке.

А те со дна, из мутной глубины,
Как на подкормку – на слова! Красиво...
Корми карасиков, карасики нужны,
Пусть даже под сметану и под пиво.

Негуст улов, зато как будто свеж...
«Пока-пока», а завтра зорька снова...
Червяк сомнения на крючок надежд –
Наживка-дрянь, да не дано иного...

Наживка-дрянь, но в этот ранний час
Разбудит лучик, а рассвет умоет,
И улыбнётся, и помянит нас
Туда, где хоть чего-то, да живое...

* * *

В неба влажно-задумчивой сини
Тучи движутся не спеша...
Снова осень, и вновь – Есенин!
Снова птицей летит душа.

Ей как будто бы всюду пусто –
Эко мечется – как бы успеть!
И на сердце светло и грустно,
И так хочется петь и петь!

И так хочется песней влиться
В эту сказочную пастель –
Браво, край журавлей и ситца,
Браво, русоволосый Лель!

Журавли...

В том строю ты тоже,
Скинув бронзу и путы веков, –
Вот и ты...

Так встречай, Серёжа,
Очарованных земляков!

ЖУРАВЛИНОЕ

рязанским писателям

Журавли...

 Это снова осень –
Рано каяться, поздно в Рай...
Говорят, журавли уносят
Души павших в далёкий край.

Сколько их, недоживших,
 сколько
Серым клином на неба суд?
Только чудится мне – не только –
Журавли наши песни несут!

Этой влажной, осенней
 ранью –
Радость сердцу, покой голове –
Вон плывут журавли над Рязанью,
По-архиповски – в синеве!

Я ведь тоже здесь свой, не барин –
Песней душу разбудит косарь –
В этом поле поэт Самарин
В государстве стогов – Государь!

Мир стогам, сено пахнет –
 царски!
Только здесь звон мечей – не нов –
Бьётся о бок с Олегом Рязанским
Русский в звень – Алексей Хлуденёв!

И, когда уже солнце в зените,
Крикну я сквозь певцов голоса:
Эй, журавушки, пронесите
Эту песню на небеса!

Павшим в брани
или без брани,
Тем, кому ударован покой...
Журавлиная песня Рязани
Светлой грустью над вечной Окой...

* * *

Л.Ф. Салтыковой

Когда в пути застанет вас рассвет –
Замрите, станьте, через раз дышите!
И твёрдо знайте: нету смерти, нет,
И радуйтесь, и птицам хлеб крошите!

Крошите, ибо, вечностью дыша,
Пребудет в крошках этих Суть и Вера
И Память, и пространство, и Душа –
Поступков и проступков наших мера.

И вскроется единственный секрет –
Глоток росы за это осушите –
Когда в пути застанет вас рассвет,
Обрадуйтесь и птицам хлеб крошите.

* * *

памяти Евгения Маркина

Хочешь – фонарь повесь –
Лучика сердце жаждет...
Всякому бакены есть,
Бакенщик – не у каждого.

Высвети свет и пой –
Мало ли рок бросает?!
Хочешь – лесной тропой,
Только ведь покусают!

Ты ли не одинок,
Что ж им не поживится?
Между дождливых строк
Как же тебе не спится!..

Холодно... обожгусь
Зарослями, крапивами –
Грустная речка Гусь –
Бакены – сосны с ивами.

Соснами обросли,
Жизнь напролом бросаючи!
Бакенщики ушли –
Палычи, да Исаичи.

Пасынки Колымы,
Оттепелью согретые...
Ладно, напишем мы
За зиму песнь неспетую.

Ладно, придёт апрель,
Будет ручьём поддакивать...
Светишь и ты теперь
Дальней звездою-бакенном...

* * *

В руке картуз – и впрямь «по Сеньке шапка»,
Молюсь на сосны, остальное «дым».
Не для того ль меня крестила бабка,
Чтоб каждой ветке был я здесь своим?!

Чтоб дух хвои был сладок и приятен,
Чтоб крышей небо, ложе – травный шёлк,
Чтоб каждый муравей мне был приятель,
Чтоб не забыл – откуда «есть пошёл».

Присев на пень, без чёрствости и лени,
Рассеяв будней сероватый дым,
Без скорби, без тоски, без сожалений
Вёл жизни счёт по кольцам годовым.

Какое чудо это – право, славно!
А мачт зелёных кружит высота...
И потому я, братцы, православный,
Что возлюбил Отчизну, как Христа!..

Потёртые кеды, рюкзак, – а рассвет, как и прежде,
Догонит в дороге, а ветер опять за своё:
«Куда ты, чудака, – там убиты Любовь и Надежда?!» –
«А Вера?» – «А Вера осталась, да мало её...»

«Пускай! Я пойду – мне и надо-то только, чтоб эти
Дорожки-тропинки в беспамятстве не заросли!» –
«Куда ты, чудака, там и ближним-то нынче не светит,
Нездешние вьюги все пажити позамели.

Там в душах туман, ни одно не приветит оконце –
Ты сроду не видел таких заболоченных стран!» –
«Ничто! Вон за мною идёт, как на привязи, солнце –
По лучику каждому – вот и рассеем туман!» –

«Какая наивность! А вдруг его кончится сила?
А коль потеряется или погаснет оно?» –
«Тогда мы попросим зажечь нам другое светило –
Раз Вера жива, значит жить нам и жить суждено...»

По времени всё: где-то рады, а где-то шпыняют,
Но чашу свою выпиваем, не глядя, – до дна!»
Потёртые кеды, рюкзак и рассвет догоняет,
А ветры? Да полно – их много, а Вера – одна!

СТРАСТИ ПО МАСТЕРУ

1

Всё когда-то кончается,
Как и на этот раз:
Твердь под ногами качается,
Яд из прищуренных глаз.

Злоба по капле в темя,
Зависть – кувалдой под дых,
Трудно соперничать с теми,
Кого уже нет в живых!

Слышишь их мерный топот?
Там ли им ведан страх –
На параллельных тропах
В паранормальных мирах?!

Десятилетий бремя,
Взмах там один, рукой –
Трудно соперничать с теми,
Кто заслужил Покой!

В облаке чистом вьются,
Знают, чего хотят, –
В частности не собьются,
Глупость не сотворят!

Трудно угнаться...
остыла

Древней реки вода...
Только легко ли было
Им уходить туда?!

2

Взваливши на спину, несём
Приметы века, как спасенье...
Вот только будет ли спасён
Прощённый в ночь на Воскресенье?

О, ночь, чтоб счёты все свести,
Когда бессонницы мученье!
Что смог с собою унести
Прощённый в ночь на Воскресенье?

Чем облечён – таков и спрос,
Коварство данного обета –
Что есть поставленный вопрос!
А требует ли он ответа?

Что в покаянии твоём,
Под жёлтым светом лунной сени?
И не себя ли узнаём
В прощённом в ночь на Воскресенье?..

3

Бывают плохие, бывают хорошие
Оценки деяний наших,
Больших и совсем неважных,
Но перстень, Афранием брошенный,
Не он ли оценка оценок?
Сам по себе драгоценный...

Герои бывают красные
И белые тоже бывают.

О каждом легенды слагают –
Легенды бывают разные,
И в каждой – система оценки:
Кто к стенке, а кто у стенки!

Но то, что отбросил Афраний,
Что это – в системе деяний?..

4

Что видится, что пророчится
Неспящим, покой любя?
Услышать однажды хочется:
«Свободен!

О н ждёт тебя!»

Ты вечный и ты же – тленный,
Томишься под грузом «оков» –
И там, на краю Вселенной,
И здесь – на краю веков.

И вроде бы перст всесилен...
Во власти же этих мест –
Ты крест п о л о ж и т ь бессилен,
Лишь можешь п о с т а в и т ь крест!

И в этом ты равен с нами...
Разбудит же Мастер, придёт –
С такими простыми словами:
«Свободны!

О н ждёт вас, ждёт!..»

В полымя из огня –
Старенькая картинка.
Видите: из меня
Снова упала льдинка?

Слышите, как звенит?
Словно мелочи горсть –
Снова, знать, погостит
Этот незванный гость...

Ночью, почти нагой,
Прочь убежал – догнал!
Я его гнал кочергой.
Я его водкой гнал!

Падаю, мочи нет.
Дышит мне прямо в рот...
Темень!

Включаю свет –
Чую – на сердце лёд!

Вот напророчил, гад!
Я бы ушёл, куда?
Слышите – ледопад,
Видите?

Вот беда...

Стынет стекло пруда,
Прошное вороша...
Словно кусочек льда
Крошится в пыль душа...

6

Уйти без слёз и без истерик,
По капле раздарив себя...
Воздастся каждому по Вере,
А можно ль верить, не любя?

И «вот те крест!» – скажу не ложно
На лобном месте, иль в Аду:
Люблю и Верю, и не можно
Пропасть!

И я не пропаду!

Не жду достойного мессию,
Общаюсь часто – всяку ночь
Зажму в зубах с в о ю Россию
И прогоню дурное прочь!

И вот тогда-то, может статься,
Уйдёт по будущему страх...
По Вере каждому воздастся,
Моя – зажатая в зубах!

Отмеренную половину
Допил...
теперь другую пью...
Жую пожухлую травину,
Как Веру отчую мою...

7

Из века в век, страдая и играя,
То падая, то постигая высь –
Мы по пути изгнания из Рая,
И это кратко называем – жизнь.

Всё кажется: мы что-то догоняем,
И плоть и душу разрываем в кровь!
Но ритуалом Веру подменяем
И мелкими страстишками Любовь.

За путы принимая паутину,
Пытаемся уж в будущем следить...
Но даже не дошли до середины –
Мы только начинаем уходить.

И, осознавши даже бред раздрая,
Уже у неизбежнейшей черты –
Мила нам слава изгнанных из Рая
И чернота чернее черноты!

Но есть ли хоть какая-то утрата,
Что оборвёт сей странный марафон?..
Возможно, всё закончится когда-то,
Но путь из Рая – нескончаем он...

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОВЕСТИ

Похоже, не тому учились,
И, видимо, не то учли –
Куда-то мимо просочились
Те соки, что для нас текли.

И всё, что бережно хранилось,
Что потерять не могло,
Куда-то мимо просочилось,
Зачем-то стороной прошло.

И закружилось в ритме танго,
В чужой, пестрящей пустоте...
Прости меня, мой добрый Ангел,
Что выбирал пути не те.

Прости за то, что я не понял
В каком-то жизненном витке,
Что просто подустали кони...
И уходил опять в пике,

Захлёбываясь в жуткой мути,
Судьбу вращая от руки...
Прости за то, что перепутья
Я принимал за тупики!

Там приплевали, наследили,
Но, отмываясь от плевков,
Мы уходили, уходили
Прочь от ненастных тупиков!

Туда, где не кончаясь, бьётся
Родник!

И гибнет мелкий бес!
И что-то важное проснётся,
Когда опустимся с небес...

* * *

Мне голос был: «Откупись!»
Да Э т а . . . звала, звала –
Не то чтобы очень мила –
Манила седая высь!

Ничто, что в дверях замки,
А я напрямик – в окно, –
Там сладость полёта, но
Уже взведены курки.

И рок ли, или урок –
Черта!
Позабыть, стереть?
Как щит – за неё успеть,
Покуда не спущен курок!

Спешу.
В ожиданье пальбы
Немеет кисть правой руки!
И я откупился бы –
Да нечем...
ещё полстроки...

«ПРЕЗРЕННОЙ» ПРОЗЕ

Ну, разобрался – вот добро, вот зло –
Они всегда главенствуют в природе,
Да вот поди ж ты – снова занесло –
Копаясь в душах, будто в огороде.
И что запрет мне, что мне карантин? –
Живое близко: и шипы и розы,
А что там дальше – знает Бог один,
С моей и неумытой прозой.

Натягиваю шкуру –
Я – добрый Идиот.
Творю литературу –
Немного только жмёт...

Я в этой шкуре до костей продрог,
Не разберусь: моё ль, чужое сердце?
Что делать – это только-то пролог –
И прислониться не к кому, погреться.
И бродят мысли в грешной голове,
И бродит сброд, и тщетно ищет брода,
А что-то будет в «...надцатой» главе,
Когда я влезу в шкуру антипода?

Натягиваю шкуру –
Я – злой Великоросс.
Творю литературу –
Средь водки и берёз!..

В тужурке ватной сухо и тепло,
Я начинаю привыкать к покою,
И чувствую, что просто повезло, –
Как будто водит кто моей рукою!

Но ни сыграть, ни спеть мне «вполноги» –
Как кругло всё, красиво – посмотрите!
Вот только очень узкие круги –
Не разомкнуть, а значит, и не выйти...

* * *

Там кто-то красит неба своды
В лилово-тёмную печаль...
Ущербно-лунною погодой
Иду под фонаря вуаль.

Я всё протопал и прохлопал,
Набив себе широкий лоб, –
Когда-то был корявый тополь,
Теперь прямой фонарный столб.

Когда-то было просто сердце –
Чтоб грело... только грело зря...
Теперь вот сам иду погреться
Под свет немого фонаря.

С ущербным месяцем до свету,
Мы будем таять – две свечи –
А утром выключат и эту
Тепла иллюзию, в ночи...

* * *

А.А. Степашкину

То в голос пою, то злюсь,
То горы б свернул, то не спится.
Ах, как же я тороплюсь!
А как же не торопиться?

На праздном пиру, в тиши,
Да даже в бездвижье – стремимся:
Мы «горькую» пьём – спешим,
Мы сладко грешим – боимся,
Что больше не будет снов –
Без них мы скучны и серы,
Что скоро не хватит слов,
А прочим, что есть, – нет веры!

Тогда уж не дать, не спеть –
Чей ветер висок мой студит?!
Успеть бы, успеть, успеть –
А там уж и будь что будет!
Там только не всё равно,
Кто рядом... один – досада...
И я успеваю, но
Мне снова куда-то надо.

И снова пою, грешу,
И снова брожу – не спится.
Я жив, потому спешу,
Мне надо поторопиться!
Кого за дожди винить,
Какого бояться сглаза?..
Спешите, спешите жить –
Не будет другого раза!..

АВГУСТ

Что-то небо не к добру слезится –
Сникли ивы, прудик грустный, пенный –
Август в кресло царское садится,
По определению священный.

Пахнет свежим сеном, детство снится,
Будоражит зрелый запах хлеба,
Илия несётся в колеснице.
Смерть минуя, вознесясь на небо!

Не с того ль грозы ночной раскаты
И поёт в предчувствии природа?
Скоро в поле – провожать закаты,
Скоро Спас от яблока и мёда.

Сонные шмели, речные бродни,
Всё во власти осени явления –
И Преображение Господне
И по Богородице Успение...

* * *

Редколесье. Осина корячится –
Ветер хлётко лупцует бока –
За верхушками сосен прячется
Рвань снующая – облака.

Над осиною, над озимыми,
Что укрыты под пледом зимы.
«Вы откуда, брат?» – «Из Касимова» –
«А куда?» – «То не ведаем мы». –

«Что в Касимове?» – «Да, метелица –
Знать, и к вам поутру... втроём...
Вон уж серую шалью стелется
Горизонтовый окаём».

Рад понять-постичь, да не ведаю:
«С кем сам-треть метелит она?» –
«А за ней тоска тихо следует,
Да с бессонницей у окна!»

То-то чую я – что-то тесно, а?
Весь целёхонький, а болит!
Прошептала голь поднебесная:
«Пусть болит душа – Бог простит...»

Горизонта нить поломается,
Ветер рвёт покрыва – взбесил, –
Знать в Касимове кто-то мается
Редколесьями у осин...

То-то вон – силуэт маячится –
Горб дороги чернит пока...
Редколесье. Осина корячится,
Ветер хлётко лущует бока...

* * *

Мне говорят: «Чего ты «разроссеял»?
Гляди: она ведь круглая, земля!
Не всё ль равно – где ты на ней посеял?
Да и оливы лучше ковыля!»

И нагнетают сладкую певучесть,
И аргументов строят целый ряд,
Пеня на посконную дремучесть –
«Ты будь демократичней!» – говорят.

Спасибо, други, вам за «песни» ваши –
Не вижу кущей ваших да морей,
А вижу поле, с пятнами ромашек,
Да потные рубахи косарей.

Я, верно, слеп, но не слепой любовью,
А той, что хлебом и теплом крепка, –
Её мне приносила к изголовью
В ладонях мать, как крынку молока.

Её мне приносили две берёзы –
Одаривая соком по весне –
И в поле дальнем ливневые грозы,
Что переждал в рыжеющей копне.

Вот почему я снова «разроссеял» –
Не в мочь без поля этого – ни дня!
И потому я здесь «зерно посеял»,
И потому ковыль – моя родня...

* * *

Саньке Олину

Нам прощает многое судьба,
Мы побиты более, чем стары...
У тебя – «оврагов желоба»,
У тебя – «грачиные отары».

Виноваты, да не от вина,
Травку жрём, хотя порой и волки,
«Стран удобных», верно – «дохрена»,
Да кому нужны «Руси осколки»?!

Только мыслю: камни собирать
Не затем, чтоб этим камнем – в темя!
По осколкам ходит Божья Рать
И крепчает будущее племя!

Так отбрось сомненья, ерунда!
Верю – ты ещё такое вмажешь!..
Да, наверно, что-то скажут, да...
Но важнее то, что сам ты скажешь!

* * *

Промелькнула тоскливая синь
По голубеньким ситцам свода –
И опять – только дрожь осин,
Да ветра, без пути и брода.

Я с недавних времён к теням
Подозрителен и недоверчив,
Словно к шумным, чужим гостям
В светлый и одинокий вечер.

Словно к падающей сосне
На болотистом лесоповале,
Словно к старой своей вине,
Что прощу я себе едва ли.
Всем прости, а себе – не смей!..

...вижу горестный трепет осиний
И движение серых теней,
И мельканье тоскливых синей...

П О Р Т Р Е Т

«Хлам на слом!» – воскликнул кто-то, –
Сгинув в хлам – пошёл на слом...
Старый дом чиню с охотой,
Возрождаю старый дом.

Печь, иконы, в «думку» вдето
Шесть иголок, тусклый свет.
Под обоями – газета:
Лозунг – крупно и портрет.

«С нами Сталин, Сталин с нами!» –
Пожелтевшая строка,
А портрет в узорной раме –
Будто врезан на века!

Будто нет ему границы –
Строг, отечески сердит.
А напротив, из божницы,
Спас двухтысячный глядит!

В перекрестье тьмы и света –
Не святой и не ханжа –
Срезал старую газету
Топором, взамен ножа!

Только слышу шаг спешащий –
Дед-хозяин: «Погоди!» –
Взял портрет рукой дрожащей
И припрятал на груди...

* * *

Нас родина на этот свет вела,
Локтями никого не задевали,
Её большие, важные дела
Мы нашими по праву называли.
И, выпорхнув из одного гнезда,
До жизни жадны, на штанах заплаты,
Её мы гнули, хоть не без труда:
«Живи! А кто там следующий, ребята?!»

Но, выбрали такой неясный путь,
Что жизнь «из-под» тихонько ускользала
И нас же стала потихоньку гнуть,
Частенько вдруг показывая жало.
Нам раны обдувало ветерком,
Нам доставалось поровну на брата –
Кричал за дверью кто-то матерком:
«Долби их, ..ядь! Кто следующий, ребята?!»

Мы шли с упрямством согнутых коряг
И головы припорошило снегом,
Но тешило что нас никто не впряг,
И не распределил по дрянью-телегам.
Но у кого-то не хватило сил
И в первом отпевании собрата,
Один из нас нечаянно спросил,
Косясь на гроб: «Кто следующий, ребята?!»

* * *

Я шагаю на грусть,
Что, пожалуй, не так уж легко –
Вектор жизни пролёт
Через множество мелких точек.
И вот где-то, сквозь ранний
И сонный туман-молоко,
Вдруг увижу пробившийся
Тонкий и слабый росточек.

Слабоват... только чую,
Что очень и очень упрям, –
К небу тянется каждая
Веточка, каждый листочек!
И, пожалуй, дотянутся –
Шибко зелен и прям,
Без зигзагов тропа,
Безо всяких пунктиров и точек.

Станет время его –
Буйной кроной пронзит небосвод!
В это время согнусь
И усохну – коряга лесная.
И не будет меня –
Меня попросту кто-то сожжёт...
И про эту могучую
Цветь – ничего не узнаю...

ТАМ, ГДЕ НАС...

Уйдём когда-то – кто не сам, того «уйдут»,
Вот как бы это угадать? Неймётся –
А впрочем, утешение найдётся:
Т а м что-то более, чем временный приют!
Спешу, карабкаюсь – чего же, в самом деле,
Душа покуда остаётся в теле
Возможно всякое, да не во всякий раз –
Глядишь, и всё! Светильник твой угас...

А вместе с ним угасли и желания –
Земные, явные – суть мелкие грехи:
Вино и страсть, и главное – стихи,
И образов прекрасных созидание...
Угас светильник... и пришла пора
Предстать! И тут уж не игра –
Вопрос как гром (в потугах стольких лет!):
А по челу ль венец тебе, поэт?

Не жмёт ли, не сползает ли на очи,
Царапая морщинами чело,
Струится кровь, или струится зло?
Не попусту ль прокуренные ночи
У настезь отворённого окна?
Не зря ли чашу осушил до дна,
Оставив соплеменникам в свой срок
Десятки мечущихся и наивных строк?

Предстанешь наг и чист, как тот туман,
Страхнувши модных платьев мишуру
(Что т а м, увы, никак не ко двору –
А чтоб не лазали за помощью в карман!) –

И станешь, силясь, вспоминать грехи,
И старые, забытые стихи,
И те же образы, что создавал в ночи, –
Да нету их, уплыли – хоть кричи!..

И явится он, снизойдя с креста,
Рассеяв иллюзорность бывших снов,
И вскрыется основа всех основ,
Увидится иная доброта:
О, зыбкая черта – добро и зло –
Когда венец тебе надвинув на чело,
«Сей час, немедленно» – велят покинуть сад,
«Пошёл!», – сопровождая пинком под зад!

Эх, неисповедимы же пути!
Да ладно так, и вовсе без дороги –
Ночуй в полях, ин высоки пороги
В других храминах – и не подойти!..
Да и не надо подходить, коль скоро
Вся жизнь поэта – от забора до забора...
Оставь надежду, покидая свет –
За пазухой у Бога – Рая нет!

* * *

Посох мокр – чего зря воду лить?
У ключа склоняюсь низко-низко...
Некому меня благославить,
Да и ждать нельзя – закат уж близко.

Так что – до свиданья, милый друг.
Мало ли забот у человека?!
Ухожу, как на последний круг,
На вторую половину века.

Истину её постичь легко,
Только не в ладах чего-то с нею –
Отчего под спудом всех грехов
Пасть легко – подняться всё труднее.

Оттого и падать не моги!
Под ноги гляди (или под ноги?),
Оттого щемяще дороги
Пыльные ромашки вдоль дороги...

* * *

Сиротливо снег кружится,
В кучу брошены дрова.
Стылой полночью не спится
Накануне Рождества.

Свет луны – и то неплохо –
Да дорожные столбы,
Жаль, не вылетит Солоха
Из дымящей вверх трубы.

Две синички, кошек свора,
Я – весёлый «обормот» –
У соседского забора
Ходим-водим хоровод.

Звёзды музыку заводят –
Будто бы поют псалмы,
Ближней рощею выходят
Неприметные волхвы.

Душу в небо отпустите,
Вот и истины отсчёт –
Новорожденный Спаситель,
Неопознанный ещё...

* * *

Что начертано – исполню,
Жму упрямо к краю!
Как родился я – не помню,
Как умру – не знаю...

Как живу, во что играю –
Небо ли рассудит?
Что т а м будет – я не знаю,
Знаю – что не будет.

Ни к чему мне столько света,
Что мне неба манна?
Не вернут мне т а м рассвета
С дымками тумана.

Не подарят т а м рубашку
Цвета неба сини,
Не сорву я сам ромашку
Попенять судьбине.

Может, всё т а м в рост и полно,
Может, зря гадаю?..
Как родился я – не помню,
Как умру – не знаю...

Всё просчитано, и где-то
Ангелов уж пенье!
Две загадки в мире этом –
Рождество. Успенье...

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
«В льняной, застиранной сорочке...»	4
«Весь мир таков...»	5
«Я понимаю: сводит рот зевота...»	6
ПЕГАС	7
ПОЛУНОЧНЫЙ ЭТЮД	9
ПЕСНЯ	10
«Мы все уйдём, да только...»	12
«КРЕЩЕНИЕ»	14
ЯБЛОКО	15
«Спотыкаясь о колени прясел...»	17
«Кто-то в тайну закатов проник...»	18
«Бубенцом затихает вдаль...»	20
«Сдуем пылинки...»	22
«Весьма возможно...»	24
ГОНКИ	25
«Не про нас полуночный час...»	26
ОТКРОВЕНИЕ	27
«Я знаю – в гонке быстротечной...»	28
ЖЕНЩИНА И ВОЙНА	29
«Ещё немного, и помянут нас...»	30
«В неба влажно-задумчивой сини...»	31
ЖУРАВЛИНОЕ	32
«Когда в пути...»	33
Памяти Евгения Маркина	34
«В руке картуз...»	35
«Потёртые кеды, рюкзак...»	36
СТРАСТИ ПО МАСТЕРУ	37
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОВЕСТИ	43
«Мне голос был...»	44
«ПРЕЗРЕННОЙ» ПРОЗЕ	45
«Там кто-то красит...»	46

«То в голос пою, то злюсь...».....	47
АВГУСТ.....	48
«Редколесье. Осина корячится...»	49
«Мне говорят...».....	51
«Нам прощает многое судьба...»	52
«Промелькнула тоскливая синь...».....	53
ПОРТРЕТ	54
«Нас родина на этот свет вела...»	55
«Я шагаю на грусть...».....	56
ТАМ, ГДЕ НАС.....	57
«Посох мокр...»	59
«Сиротливо снег кружится...».....	60
«Что начертано – исполню...».....	61

ДВОРЕЦКИЙ Сергей Александрович

ПЯТЬДЕСЯТ

Стихотворения

В авторской редакции

Ответственный за выпуск А.В.Бандорин
Технический редактор Н.С. Меньшикова
Компьютерная верстка: Н.С. Меньшикова
Корректурa: Л.Ф.Салтыкова
Фото на 1 стр. обложки:
заслуженный фотохудожник России В.И.Агеев

Подписано в печать 10.02.2010 г.
Формат 90х60/16. Бумага офсетная
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 4. Тираж 500 экз.

Издательство «Старт»,
лауреат Всероссийской литературной премии
имени генералиссимуса А.В. Суворова
г. Рязань, ул. проф. Никулина, д.6

Отпечатано в типографии издательства